

А. В. Головнёв

ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА КАК НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОПЫТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮГРЫ*

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-80-89

УДК 39:94(571.122) ББК 63.5+63.1(253.3)

Научное наследие включает, помимо фундаментальных открытий и значительных достижений в прикладных науках, важные дискурсивные темы исследований и знаний, открываемые наукой для общества, так называемые вечные вопросы. К ним относится этногенез, место которого существенно различается в научных традициях России и Запада. В отечественной науке он всегда был одним из приоритетов, а в зарубежной считался периферийным сюжетом. Причины этого расхождения коренятся в обстоятельствах формирования наук: российская этнография сложилась в XVIII в. как знание о народах, западная антропология — на столетие позже, в XIX в., как знание о человеке и человечестве. Соответственно, различаются подходы к генезису: в российской этнографии это происхождение народов (этногенез), в западной антропологии — человека (антропогенез). Изучение происхождения народов стало одним из первых достижений российского народоведения XVIII в., и в этом смысле этногенез можно считать исконной научной традицией отечественной этнографии. В период кризиса этнографии в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. этногенез послужил убежищем для этнографии, приговоренной к списанию из разряда наук за неспособность встроиться в концепцию марксизма. «Эпоха этногенеза» принесла впечатляющие результаты, обеспечив лидерство советской этнографии в исследованиях этногенеза и этноистории. Это читается и в историографии этногенеза уральских (в том числе угорских и самодийских) народов, недавно обобщенной в академической истории Югры. Авторским вкладом в этногенетическую дискуссию можно считать представление этногенеза не как обособления народов, а как распределения между ними деятельностных ниш в многонародном сообществе (этноценозе).

Ключевые слова: *научное наследие, этногенез, этнография, антропология*

О научном наследии

Можно ли вести речь о «научном наследии» по аналогии с «культурным»? Существуют взгляды на науку как на часть культуры, и в этом смысле научное наследие представляется частью культурного.¹ Вместе с тем в концептуальном из-

мерении наука изучает искусство, а не наоборот, и именно наука (культурная антропология, культурология, археология, искусствоведение, литературоведение, киноведение и др.) ранжирует и структурирует культурное достояние. Культура имеет чувственно-деятельностные основания, наука — рационально-концептуальные.

К научному наследию относятся прежде всего открытия, в том числе «научные революции», положившие начало новым областям знаний, направлениям исследований и научным школам. К нему следует отнести и разработки прикладного характера, легшие в основу новых технологий. «Открытия и польза» — так можно обозначить основные целеполагания науки, отчетливо просматривающиеся с первых дней ее становления в России под началом Петра I.² Они перекликаются с общепринятым, хотя и небесспорным, делением наук на фундаментальные и прикладные. Впрочем, точнее говорить не о разделении, а о сочетании наук, удачно выраженном афоризмом физика Р. Кирхгофа: «Нет ничего практичнее хорошей теории».

¹ Вряд ли мне пришлось бы в голову рассматривать теории этногенеза как научное наследие, если бы судьба не забросила меня в Кунсткамеру, где все — куда ни глянь и к чему ни прикоснись — достояние и наследие, где ко всему, даже к себе, начинаешь относиться как к экспонату и артефакту. Второй причиной этого размышления стало написание «Академической истории Югры», в которой сюжеты этногенеза играют установочную роль и предстают не творческим увлечением отдельных исследователей, а этнокультурной основой истории регионального многонародного сообщества. Третьим побудительным мотивом оказалась идея представления этой темы на VI Северном археологическом конгрессе, который пройдет в Югре осенью 2024 г.

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор, директор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики» (рук. А. В. Головнёв)

² См.: Головнёв А. В. Петр I и начала наук в России // Кунсткамера. 2024. № 1 (23). С. 6–23.

Если к научному мышлению относиться не как к абсолютной объективности (на чем во вред себе часто настаивают ученые, особенно в диссертациях), а как к естественной субъективности (хотя и стремящейся к разносторонне выверенной позиции), то у научной мысли обозначится своя рефлексия (науковедение, историография, методология, концептуализация второго уровня), позволяющая обнаружить в научном процессе «сгустки» (узлы, перекрестки, резонансы) исследований, мнений и дискуссий. Какие-то из этих «сгустков» могут быть следствием случайных или внешних по отношению к науке воздействий (псевдоткрытий, идеологических и политических эффектов и т. д.), но в большинстве своем тематические поля многолетних и многолюдных научных дискуссий обладают актуальностью как для жизненной реальности, так и для науки, ее изучающей.

Предлагаю такого рода актуальные тематические разработки, вместе с их содержимым (авторскими теориями, дискуссиями, базами данных), причислять к научному наследию. Их ценностью является не «единственно верная» теория, а все поле дискурса с различными, в том числе противоположными, доводами и мнениями. В ранг научного наследия тема возводится не чьим-то волеизъявлением, а благодаря содержанию и энергии научной дискуссии. Она может быть не только жарким спором, но и спокойным течением академической мысли с постепенным расширением базы данных и/или спектра интерпретаций. Иногда стойкость интереса к той или иной теме обусловлена не стремлением к опровержению или пересмотру прежних взглядов, а потребностью приобщения к ней очередного поколения исследователей.

Таким образом, научное наследие образуют как собственно открытия, так и открытые наукой для общества актуальные направления исследований (науки) и ракурсы самопознания (общества). В отношении к ним едва ли применима распространенная среди ученых установка на «окончательное решение» научной проблемы — напротив, они ценны как раз не завершенностью, а обновляемостью.

Чем отличается научное наследие от истории науки, которая тоже умеет чтить своих основоположников и классиков? Именно тем, что оно остается актуальной повесткой, а не уходит в архив; тем, что является одновременно опытом предшественников и вызовом

для последователей в череде сменяющихся поколений ученых. В отечественной истории и этнографии некоторые сюжеты обрели статус «вечного вопроса»: например, «варяжский вопрос», «еврейский вопрос», «национальный вопрос». Они остаются в повестке не потому, что когда-то кому-то не хватило знаний или сообразительности дать на них ответы, а потому что они обновляются в обновляющемся обществе. Профессионалы иногда сторонятся подобных тем, считая их устаревшими и заезженными, однако, на мой взгляд, они заслуживают не только внимания и понимания, но и приобщения (к научной традиции), и можно не стесняться давать на вечные вопросы свои сиюминутные ответы.

Исходя из моего научного опыта, я добавил бы в этот ряд несколько тем, которым посвятил значительную долю своих изысканий: (1) северность России как историческая идентичность, (2) многонародность России как национальная идея и (3) этнография (народоведение) как рожденная в России самая российская из наук.³ Все три могут служить опорами для персональной и профессиональной позиции исследователя: северность как ключ к самобытности России и лекарство от навязчивой и бесплодной дилеммы «Запад мы или Восток?»; многонародность как состояние и достояние России — страны, богатой (обильной) народами; почвенность народоведения (этнографии) для России как важнейшая часть научного наследия, сформировавшегося в ходе самопознания империи в XVIII в., и опорная позиция для сегодняшних исследователей.

В качестве примера неуывающей актуальности этих тем приведу пример из собственной музейной практики. Несколько лет назад, когда пришла пора определить тему для вновь создаваемой в Кунсткамере экспозиции по народам России, в исследовательском опыте своих предшественников я обнаружил, что многонародность (многонациональность, полиэтничность) в прошлые столетия не раз выявлялась как национальная идея России — и в имперский, и в советский периоды. Реконструкция на глубину двух-трех веков открывает сцену рождения этой идеи как великосветской «моды на народы» в виде карнавала народов в конце правления Анны Иоанновны (этой моде

³ Подробнее см.: Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39; Он же. Этногенез как пасьянс: о происхождении самодийцев и угров // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 6–44.

в России предшествовали открытия Великой Северной экспедиции). Воссоздавая момент рождения идеи в экспозиции «Многоязычная Россия», мы столкнулись со странным эффектом, который можно назвать «открытием открытия». Когда мы сегодня в очередной раз слышим о том, что «земля наша велика и обильна», вот только национальной идеи в ней нет, то уверенно возражаем: «Приходите в Имперский зал Кунсткамеры, и вы своими глазами увидите сцену рождения национальной идеи России в XVIII веке».

Логика науки в некоторой степени конфликтует здесь с психологией познания, когда тайна (непознанное) вызывает жгучий интерес, а достоверно доказанное (расколдованное) теряет привлекательность. В этом отношении науке следует поучиться у искусства сохранять недосказанность значений и умозаключений — по крайней мере не стремиться всякий раз подводить итоги, а оставлять место альтернативным сценариям. Именно навязываемая безальтернативность некоторых идей (например, коммунизма и атеизма) привела к их забвению или вырождению, что, впрочем, не исключает их возвращения (опять-таки в перспективе альтернативы, как это недавно случилось с реваншем религий).

Постановка и разработка такого уровня вопросов — прямая задача науки и свидетельство ее мировоззренческой значимости. Эмпирическое мелкотемье, в котором уютно многим исследователям, допустимо и полезно, но непременно в сочетании со смыслообразующими концепциями. Наверное, каждая большая идея была когда-то (рождалась) маленькой, и дело не в «размере», а в ее адекватности изучаемой реальности, в возможности возвращения в поле практики, откуда она произошла. Если идея (теория) чужда реальности, она в буквальном смысле беспочвенна. Напротив, если теория выросла из реальности, она практична и способна к встречному воздействию, например, как переход самопознания в самосознание. Эта циркуляция поддерживает смыслообмен «науки и жизни», а умение концептуализировать «сырую реальность» можно считать обязательным минимумом для науки (тест на такое умение я предпочел бы разного рода «кандидатским минимумам»).

В неадекватности реалиям состоит риск заимствования чужеродных модных идей (теорий, методов). Риск этот касается не только научного познания, но и общественного со-

знания, которое может деформироваться под давлением псевдосмыслов. Как правило, рано или поздно реальность сбрасывает с себя квазиоболочку, но не без ущерба для своего достоинства и не без досады на напрасные блуждания. Впрочем, такого рода мода отдаляет науку от жизни, но сближает ученых одной концептуальной ориентации. В целом мода на теории заслуживает отдельного исследования, но имеет косвенное отношение к научному наследию.

Антропология и этнография обильны теориями, знакомство с которыми — дело увлекательное и полезное. Есть исследователи, которые испытывают удовольствие от усвоения чужих идей, особенно зарубежных, а их перевод на русский язык и российскую почву считают особой «сферой компетенции». Как ни странно, знатоков чужих концепций нередко причисляют к разряду теоретиков, хотя сами они никаких теорий на свет не произвели. Понятно, что одним ближе теории, другим сбор данных, третьим популяризация, но увлечение чужими идеями — еще не наука, а лишь наблюдение за наукой, сродни позиции кинозрителя или болельщика на стадионе. Избыточное увлечение чужими идеями приводит к бесплодию ученого и к оскудению исследовательской «нивы», которую он возделывает. Кстати, именно чрезмерные заимствования зарубежных эволюционистских идей в XIX и XX вв. привели к увяданию и даже забвению достижений отечественного народоведения XVIII в., а заодно и к размыванию национальной идеи многонациональности.

Часто приходится слышать, что наука не национальна, а глобальна. Это верно на том ее горизонте, где образуется «галактика» открытий, достижений, методов, теорий, баз данных, которые рано или поздно становятся всеобщим достоянием. Однако научные идеи и открытия чаще всего имеют страну происхождения и первоначального применения. Неслучайно Нобелевская премия, при всей ее всемирности, содержит национальную аффилиацию лауреатов: например, Эрнест Резерфорд — новозеландский физик (или британский физик новозеландского происхождения), Рабиндранат Тагор — индийский писатель, Иван Павлов — русский и советский физиолог. Тем более существенна национальная принадлежность в гуманитарных науках, изучающих язык, традиции, духовные ценности, их истоки и смыслы. В Индии, Китае и России сход-

ные явления могут иметь разные значения (или значимые оттенки), исследоваться разными методами и генерировать разные концептуальные схемы. Та же полиэтничность в этих странах обладает самобытным дизайном, представляющим, кстати, первостепенный интерес для науки о народах. Соответственно, ее концептуализация для каждой страны имеет смысл как достояние национальной науки, а для мировой науки — как национальная часть всемирного научного наследия.

К направлениям гуманитарной науки, существенно различающимся в России и мире, относится этногенез. В отечественной научной повестке он долгие годы был одним из приоритетов, а в зарубежной считался периферийным сюжетом, к тому же с ярлыками «примордиализма», «кондовости» и (что правильно) «советско-российского репертуара». Причины этого расхождения обычно затушевываются рассуждениями о «все же большей близости», однако для их прояснения и избавления от шаблонов вроде «опережения и отставания» лучше вернуться к истокам и расставить историкографические акценты.

Происхождение этногенеза

Тема происхождения — исходная для самопознания человека. Та грань самосознания, которая сегодня называется этничностью, во все времена в разных вариациях имела базовое значение для самоопределения людей и настройки их внутри- и межэтнического общения, начинающегося с вопроса о «роде-племени». Изначальность темы происхождения народов недвусмысленно выражена в самых ранних письменных источниках и исторических сочинениях, включая Библию с ее рассказами о судьбе «избранного народа» и его соседях (в том числе о Вавилонской башне), «Историю» Геродота с ее насыщенным повествованием о происхождении и обычаях народов греческой ойкумены, русскую начальную летопись с известием о разделении земли между сыновьями Ноя и «их народами», а следом о расселении племен славянского круга.

В эпоху Просвещения и нацистроительства Европа пережила всплеск национализма и попутного интереса к происхождению народов, который в то время считался «хорошим тоном», равно как и мода на колониальные захваты. При этом к себе европейцы относились с чувством националистического романтизма (привлекая героинку эпоса и мифологии), а в

отношении других выстраивали эволюционистские схемы-пирамиды, в которых нижние ступени дикости и варварства отводились отсталым племенам, а верхняя ступень цивилизации — народам Европы (при этом и в их культурах отмечались «пережитки» дикости и варварства). В этих схемах, ознаменовавших во второй половине XIX в. рождение науки антропологии, этнические особенности племен и народов изучались не для выявления их самобытности, а для характеристики стадий всеобщей эволюции человечества.

Иначе сложилось отношение к народам в России, где в ходе самопознания империи усилиями академических экспедиций XVIII в. родилась наука о народах. Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг. принесла знание о России как стране, обильной народами, а екатерининские «физические» экспедиции сформировали базу данных для составления первого в России и мире системного этнографического свода народов империи. Стать автором этого труда выпало на долю академика Иоганна Георги, опубликовавшего в 1776–1777 гг. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов».⁴ Свод Георги включал сведения о 80 народах России, в концептуальном отношении сочетая: (а) принципы систематики К. Линнея, (б) основы языковой классификации Г. Лейбница, (в) народоописательный алгоритм Г. Ф. Миллера, (г) концепции народа в истории А. Шлёцера, (д) сравнительный метод с опорой на «референтные народы» П. С. Палласа. Каждый народ удостоен в описании Георги отдельного раздела, а общими для всех характеристиками послужили: территория, происхождение, название, внешний облик, язык, образ жизни (хозяйство), жилище, одежда, пища, дань, торговля, воспитание, нравственность, обряды жизненного цикла, религия.

Таким образом, российское народоведение (в немецкой версии *Völker-Beschreibung*, 'народоописание', а с использованием греческой основы — этнография) на столетие старше западной антропологии. Существенно и содержательное различие между ними: главным героем (и предметом исследования) российской науки стал народ, западной — универсальный человек и человечество. Если кто-то возразит, что речь все-таки идет об одном

⁴ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776–1777. Ч. 1–3.

и том же и этнография с антропологией представляются двумя гранями одной науки, он будет прав лишь отчасти — народы действительно состоят из людей и образуют человечество, однако названные ракурсы все же дают различные проекции: этнография фокусируется на этничности, антропология — на «человечности» во всей ее бесконечности.

Различия этих подходов ярко проявляются при сопоставлении двух опорных (первых, классических) произведений, отстоящих друг от друга как раз на столетие, — вышеназванного «Описания... народов» И. Г. Георги (1776–1777) и фундаментального труда Э. Б. Тайлора «Первобытная культура».⁵ Оба основаны на гигантских базах данных по культуре народов, однако Георги описывает народы, а Тайлор — первобытную культуру человечества, сотканную из характеристик множества народов.

Обе книги «многонародны», но по-разному: Георги создал 80 «этнопортретов», сопроводив словесное описание рисунками (на самом деле изображение предшествовало тексту), а также, в совокупности, «этнопортрет империи» — образ многонародной страны. Ему же принадлежит яркое обобщение многонародности России (в предисловии ко второму изданию «Описания»): «Известно всякому сведущему о государствах и владениях, на земном шаре существующих, что нет на оном ни одного такого, которое вмещало бы в себя столь великое множество различных народов, как Российская держава».⁶ Эта идея на разные лады повторялась в конце XVIII в. и утвердилась как формула самоопределения России.

В эволюционистской сборке Тайлора многонародность — база данных по «примитивным» народам и культурам, расположенным на низшей ступени человеческого развития (венцом всемирной культуры является европейская цивилизация, от лица которой идет повествование). Сведения о «культурах дикарей» представлены не по племенам (или народам), а по сюжетам мифологии и религии. Например, когда речь заходит об охранительной силе огня, Тайлор упоминает верования туземцев Золотого Берега, Южной Америки, Малакки, китайцев и древних норманнов, когда разговор переключается на дуализм миров, автор ссыла-

ется на мифы ирокезов, амазонских индейцев и древних иранцев. В русском переводе книги Тайлора «Первобытная культура» указатель этнонимов содержит без малого четыре сотни наименований, однако этот список составил не сам автор, а Е. А. Шервуд в порядке подготовки русского издания.⁷ Классика эволюционизма интересовали не собственно народы, а их первобытность, пережитки, мифология и анимизм.

Соответственно различаются подходы к генезису (происхождению): в российской этнографии это происхождение народов (этногенез), в западной антропологии — человека (антропогенез); правда, термины сложились позднее, но по сути эти направления обозначились исходно в науках о народах и человеке. Академик Георги неслучайно начинал описание каждого народа со сведений о происхождении (в 60 из 80 этнопортретов эта тема первенствует). Символично показательно и то, что первый же этнопортрет начинается со слова «*произшедшие*».⁸ Успехи в изучении происхождения народов стали одним из первых достижений российского народоведения XVIII в., и в этом смысле этногенез можно считать исконной научной традицией отечественной этнографии.

Эпоха этногенеза

XIX век стал в западной науке эрой эволюционизма, который стремительно распространился в России и отодвинул в тень ее самобытное народоведение. Оригинальный релятивизм Н. Я. Данилевского уступил первенство эволюционизму Д. Н. Анучина, М. М. Ковалевского, В. С. Соловьева и др. В Европе противовес эволюционизму составлял германский романтический национализм и пангерманизм И. Фихте, Э. Арндта, братьев В. и Я. Гримм, Р. Вагнера. К XX в. европейцы в основном удовлетворили свои этнические нужды созданием национальных государств, после чего острота сюжетов генезиса заметно снизилась. Более того, М. Блок обозначил саркастический шлейф «идола истоков», «мании происхождения» и «эмбриогенического наваждения».⁹ Со своей стороны, Б. Малиновский обрушился на исторические реконструкции за их бесполезность, заведомую гипотетичность и неспособность что-либо объяснить в теперешнем положении вещей: «Реконструкция прошлого, будучи ин-

⁵ Tylor E. B. Primitive Culture. London, 1871. Vol. I–II.

⁶ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 1. С. VI.

⁷ См.: Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 525–540.

⁸ См.: Георги И. Г. Указ. соч. 1776. Ч. 1. С. 1.

⁹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 19, 20.

тересной в историческом и теоретическом аспектах, не содержит практических указаний для настоящего и будущего».¹⁰ Свою роль в отторжении тематики происхождения сыграл нацистский культ «крови и почвы» (*Blut und Boden*), вызвавший сначала резкий взлет интереса к этногенезу (например, в археологических конструктах Г. Коссины), а затем столь же стремительное и тотальное охлаждение к этничности и этногенезу. Много лет спустя слово «этногенез» стало использоваться на Западе по большей части в кавычках и применительно к древности. Например, Э. Гиллет полагает, что «теория этногенеза» видит движущую силу перехода от античности к средневековью «не в экономике, религии или войне, а в этничности».¹¹ При этом автор приписывает изобретение термина *Ethnogenesis* немецкому медиевисту Р. Венксусу, издавшему в 1961 г. книгу «Формирование племен и конституция: становление раннесредневековых родов».

В России (СССР) траектория темы этногенеза выглядела иначе. По меньшей мере дважды в своей истории отечественная наука о народах основательно опиралась на этногенез — в момент рождения в XVIII в. и в контрапункте кризиса/возрождения в середине XX в. *Этногенезис* упоминал Н. М. Могиланский в дискуссии 1916 г.;¹² этногонию использовал Н. Я. Марр для построения схемы происхождения и стадийного развития языков; с его же благословения археолого-этнографическое совещание 1932 г. определило «процесс этногенезиса и расселения этнических и национальных групп» одним из приоритетов исследований. Последнее обстоятельство примечательно, поскольку именно Марр был если не режиссером, то вдохновителем погрома этнографии/этнологии и ее разжалования из «квинтэссенции общественных наук» во вспомогательную историческую дисциплину на рубеже 1920–1930-х гг. «Помилованная» им тема этногонии послужила лазейкой и убежищем для этнографии, приговоренной к списанию из разряда наук за неспособность встроиться в концепцию марксизма.¹³

Вскоре опальная этнография, в союзе с археологией, лингвистикой и физической антропологией, обрела второе дыхание в этногенетических работах Г. Н. Прокофьева, В. Н. Чернецова, С. А. Токарева, А. Д. Удальцова, С. П. Толстова, Б. О. Долгих и др. Погружению этнографов в эту тематику с середины 1930-х гг. сопутствовала идеологическая борьба с арийской, миграционистской и другими западными теориями; в 1938 г. на совещании в ГАИМК была учреждена комиссия по проблемам этногенеза под председательством А. Д. Удальцова; тон в этногенетических исследованиях задавали советские археологи-автохтонисты, сражавшиеся с немцами-миграционистами в споре за пространство прагерманских и праславянских племен Европы.

Кризис отечественной этнографии 1930-х гг. стал началом «эпохи этногенеза», длившейся почти до конца советского периода и достигшей пика в работах Л. Н. Гумилева, Ю. В. Бромлея, В. П. Алексеева, И. С. Гурвича, Г. И. Пелих, В. И. Васильева и др. Сосредоточение творческих усилий в этом направлении способствовало успехам в изучении этногенеза и этнической истории народов СССР и зарубежных стран. Этногенез стал самым заметным достижением советской этнографии: если в других темах она выглядела вторичной на фоне марксистско-ленинской теории, отечественной истории или «научного коммунизма», то в части этногенеза и этнической истории вполне обоснованно претендовала на роль мирового лидера.

Западные коллеги видели в этногенезе российских (советских) этнографов традиционализм и примордиализм. Постсоветская наука испытала приток ярких и по-своему полезных теорий и методов западной антропологии, в которой на месте этногенеза располагались подходы конструктивизма, глобализма, миллениаризма, евроинтеграции и «плавильного котла». В то же время по России прокатилась цепная реакция национализмов, в очередной раз актуализировавшая сюжеты этничности. С одной стороны, действительность показывала рост значимости этнических вопросов, с другой — хлынувшая на просторы России западная «универсальная антропология» вместо ответов на эти вопросы отторгала этничность и клеймила ее как нечто вроде «родимого пятна социализма» или причисляла к разряду «воображаемых» явлений. На самом деле советская иллюзия растворения этничности в «новой исторической общности 'советский

¹⁰ Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004. С. 51.

¹¹ Gillett A. Ethnogenesis: A Contested Model of Early Medieval Europe // *History Compass*. 2006. Vol. 4, iss. 2. P. 242.

¹² См.: Алымов С. С. Украинские корни теории этноса // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 5. С. 72.

¹³ См.: Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции. С. 6–39.

народ» сменилась конструктивистской иллюзией «воображаемости» этничности.¹⁴

Как обычно случается, реальность возоблдала над воображением (по крайней мере, в научном пространстве России), и повестка этничности, включая этногенез, вернулась в отечественную науку. Сегодня пришла пора осознания, что российская/советская этногенетическая школа — крупнейшая в мире по объему выполненных конкретных и обобщающих работ, по методологической оснащенности и тотальности охвата источников. В этом смысле она представляет собой национальное научное достояние и мощный информационный ресурс. Что бы ни говорили критики «мании происхождения», тема этногенеза и этнических корней не теряет своей актуальности ни на персональном, ни на региональном, ни на глобальном уровнях. Это читается и в историографии этногенеза уральских (в том числе угорских и самодийских) народов, недавно обобщенной в «Академической истории Югры».¹⁵

Абрис этногенеза Югры

Ранние теории этногенеза нередко считаются наивными и устаревшими, однако именно они основаны на прямых свидетельствах и живых преданиях, запечатлевших мотивы и атмосферу Средневековья. По правилам герменевтики и феноменологии они гораздо ближе к «духу времени» исследуемой эпохи, чем новейшие концепции, основанные на формальной логике. Часто эти теории воспроизводят сохранившиеся народные предания, и в этом смысле они столько же источники, сколько и интерпретации.

Основные концепции происхождения угров и самодийцев сложились в XVIII в., обозначив ключевые проблемы и варианты их решения: соотношение северных и южных угров/югров и их исход в Паннонию (М. Меховский, XVI в.), уход пермян и югры от крещения за Урал (Н. Витсен, XVII в.), взаимодействие рыболовов (остяков), охотников (вогулов) и оленеводов (самоедов) в пространстве исторической Югры (Н. Витсен, XVII в.) и др. В начале XVIII в. Г. Новицкий установил важность религиозных мотивов в миграциях язычников из Перми на Обь, Ф. Страленберг собрал сведения о связи названия «остяк» с татарским

«*штек*» («*уштек*»), а самоедов — с «землей Суоми»; эта связь легла в основу его гипотезы о происхождении и движении самоедов с севера на юг Сибири. Версия о северном происхождении самоедов вызвала отповедь участников Великой Северной экспедиции, Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера, в результате чего родилась гипотеза Фишера о южном (алтае-саянском) происхождении самоедов. За плеядой первооткрывателей последовало поколение систематизаторов, участников «физических» экспедиций эпохи Екатерины II (П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. И. Лепехин, В. Ф. Зуев, Н. Я. Озерецковский и др.), в обобщающих сочинениях которых, в частности в «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» И. Г. Георги, сведения о происхождении самодийцев и угров изложены уже в академическом стиле и систематическом порядке.

Оглядываясь в целом на XVIII в., можно заметить, что концептуальная палитра этногенеза была одним из первых достижений формирующейся в России науки этнографии. Размах этнических связей угров и самодийцев в пространстве от Скандинавии до Саян, с одной стороны, породил разночтения (о происхождении самодийцев), с другой — наметил контуры связей между народами уральской и алтайской языковых семей. Две базовые концепции происхождения самодийских народов — северная (Страленберга) и южная (Фишера) — появились в науке XVIII в. Одновременно оформилась теория происхождения югров/угров в области Югорских гор (Урала); здесь же, на Урале и к западу от него, видели общую прародину финно-угров А. Шлецер и Ю. Клапрот. Все последующие открытия и догадки были дополнениями к этой базовой картине самодийского и угорского этногенеза.

В XIX в. финские (М. А. Кастрен) и венгерские (А. Регули) лингвисты насытили этногенетические гипотезы обильными языковыми данными, руководствуясь в их интерпретации этнополитическими мотивами, в частности стремлением связать происхождение своих народов с великими кочевыми империями Евразии. Если с венграми это получилось без труда, то с финнами возникли затруднения, и Кастрену пришлось искать связующее звено между Алтаем и Финляндией в лице самоедов, которым по этому случаю было предписано переселение с юга Сибири на север Европы. В отечественной науке эта гипотеза доминировала почти весь XX в., постепенно сдавая

¹⁴ Головнёв А. В. Этногенез как пасьянс... С. 6–44.

¹⁵ См.: Академическая история Югры. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 1, 2; Головнёв А. В. Этногенез как пасьянс... С. 6–44.

позиции под давлением новых методов, вроде лингвистической палеонтологии, представившей аргументы в пользу расположения прауральской, в том числе прасамодийской, прародины не на Алтае, а на Урале и смежных территориях (Ф. П. Кеппен, Э. Сетяля, Ю. Тойвонен, Х. Паасонен, П. Хайду, И. Шебештьен и др.). Из советских исследователей Д. В. Бубрих и А. П. Дульзон последовательно отстаивали северную этногенетическую теорию Страленберга. В. Н. Чернецов и Г. Н. Прокофьев предложили этногенетическую схему взаимодействия «туземцев и пришельцев», которой в той или иной мере следовали М. Ф. Косарев, Д. Ласло, В. А. Могильников, В. И. Молодин, Л. А. Чиндина и др. В советской этнографии ведущей стала инициированная Кастреном и Прокофьевым методика параллелей в этнонимии (Б. О. Долгих, В. И. Васильев) и других сферах культуры (Л. В. Хомич, Г. И. Пелих, З. П. Соколова, Н. В. Лукина и др.).

В совокупности теории этногенеза можно считать научным наследием, которое: (а) включает в себя обилие антропо-архео-лингво-этнографических данных; (б) содержит указатели (критерии) сходств и расхождений, а также основных направлений связей и предполагаемых миграций; (в) выявляет палитру сценариев, по которым могли развиваться этногенетические процессы в разные эпохи.

Возвращаясь к разговору об этногенезе как научном наследии и руководствуясь правилом обновления концептуального поля новым подходом, предлагаю тезис о том, что ход и смысл этногенеза состоят не в обособлении народов друг от друга, а в распределении между ними деятельностных ниш и их взаимодействии. В проекции многонародности этногенез развивается в новом расширенном диапазоне. Многочисленные опыты изучения происхождения народов показывают, что «штучного этногенеза не бывает — он всегда полиэтничен».¹⁶ Этногенез — настолько же сложение народа, насколько и обретение им места в многонародном сообществе, в этноценозе. В отношении между народами действительно фигурирует соотношение «мы–они», но напрасно оно представляется «антитезой» — на самом деле в нем разъединения не больше, чем соединения.

Иллюстрацией такого видения этногенеза может служить картина этнокультурной специализации самодийцев и угров Урала и Си-

бири. В самом общем плане можно назвать ненцев оленеводами, хантов — рыболовами, манси и селькупов — охотниками; соответственно распределялись их жизненные экониши, а также предлагаемая на обмен профильная продукция. Впрочем, культурно-хозяйственная мозаика была много сложнее, поскольку в каждом из сообществ выделялись группы со своей территориальной и производственной специализацией: среди ненцев-оленеводов так выглядели группы рыбаков, зверобоев, лесных охотников, среди хантов — группы рыболовов низовий и верховий рек, охотники-оленеводы лесотундры и др. Благодаря распределению деятельностного пространства и специализации в этноценозе соседние народы сохранили самобытность, несмотря на долговременное соседство и плотные контакты (в том числе брачные). По мере появления новых действующих лиц урало-сибирский этноценоз усложнялся и видоизменялся. Так, чрезуральские миграции пермян (коми) заметно подняли уровень торговли и товарности в экономике региона, а русские принесли с собой административные центры, пушной бум и обновление промыслового инвентаря.

Отдельного упоминания заслуживают средневековые пути и коммуникации. На первый взгляд может показаться, что одни районы были более проходимы, другие менее, третьи вовсе неприступны (например, болота Обь-Иртышского междуречья). На самом деле непроеходимых территорий не было, и среди народов Урала и Сибири сложилось своего рода «распределение путей», наподобие разделения труда. Оленеводы преодолевали открытые пространства тундры, недоступные пешим охотникам; рыболовы проходили по рекам и протокам, неудобным для оленеводов и коневодов; пешие охотники с помощью собак осваивали огромные площади таежных буреломов. При этом транспортные средства и пути варьировали в разные сезоны, а в целом существовала сложная сеть коммуникаций на огромном пространстве уральских тундр, лесов и степей. По правилу «эстафеты движения» поддерживались коммуникации во всей Северной Евразии, включая Арктику, где пересекались сухие и водные пути мореходов, речных людей, коневодов, оленеводов, собаководов и мастеров пешего хода.

Научный ум любит разделять соединенное, анализировать синтезированное; более того, это как будто необходимо для понимания сути

¹⁶ Головнёв А. В. Этногенез как пасьянс... С. 33.

вещей. Но не надо думать, что эта интеллектуальная процедура соответствует естественному (историческому) ходу событий. Предлагаемый новый ракурс концептуализации этногенеза состоит в схождении, а не расхождении народов. При этом схождение следует понимать не как слияние и унификацию, а как распределение между народами жизненного и деятельностного пространства при сохранении и даже усилении их этнической самобытности.

Завершая экскурс в тематику этногенеза, не могу избавиться от чувства, что побывал в своей юности. Действительно, мне со студенчества знакомо увлечение происхождением — я вырос в «эпоху этногенеза» и до сих пор не представляю себе этнографии без этногенеза и этноистории. Тот же экскурс завел меня еще в одну юность — отечественной науки, названной в XVIII в. народоведением. Ассоциации этногенеза с юностью усиливаются с осозна-

нием того, что происхождение — это вообще-то начало начал, и потому заслуживает места в списке вечных вопросов (научного наследия) этнографии.

Иногда звучит вопрос: есть ли будущее у «старой» темы этногенеза, если ряды ее исследователей на глазах редеют? Эти ряды могут пополниться по меньшей мере из двух источников: за счет бурно развивающейся генетики и из среды коренных народов, представители которых живо интересуются своим происхождением и являют собой растущую генерацию науки — «новую этнографию».¹⁷ Надеюсь на актуализацию тематики этногенеза и в том самом ракурсе генезиса многонародности (этноценоза), который всегда был важен для России и который предполагает исследование не отдельных народов, а их деятельностных (функциональных, локальных, культурно-хозяйственных) ниш в межэтническом сочетании (а не разделении) труда, ролей, путей и прочих аспектов жизнедеятельности.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, Director, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

THEORIES OF ETHNOGENESIS AS A SCIENTIFIC HERITAGE: THE CASE OF THE ACADEMIC HISTORY OF YUGRA

The scientific heritage includes, in addition to fundamental discoveries and significant achievements in the applied sciences, important discursive themes of research and knowledge opened by science for society, the so-called “eternal questions”. These include ethnogenesis, the place of which differs significantly in Russia and in the West. In domestic science, it has always been one of the priorities, and in foreign one it was considered as a peripheral subject. The reasons for this discrepancy are rooted in the circumstances of the formation of the sciences: Russian ethnography took shape in the 18th century, as knowledge about peoples, Western anthropology — in the 19th century, as knowledge about human and humanity. Approaches to genesis differ accordingly: in Russian ethnography it is the origin of peoples (ethnogenesis), in Western anthropology it is the origin of humans (anthropogenesis). The study of the origins of peoples became one of the first achievements of Russian ethno-studies in the 18th century, and in this sense, ethnogenesis can be valued as the original scientific tradition of Russian ethnography. During the crisis of ethnography in the USSR at the turn of the 1920–1930s ethnogenesis served as a refuge for ethnography, condemned to be written off from the category of sciences for its inability to integrate into the concept of Marxism. The “Era of Ethnogenesis” brought impressive results, ensuring the leadership of Soviet ethnography in the study of ethnogenesis and ethnohistory. This can also be read in the historiography of the ethnogenesis of the Uralic (including Ugric and Samoyed) peoples, recently summarized in the Academic History of Yugra. The author’s contribution to the ethnogenetic discussion can be considered the presentation of ethnogenesis not as the secession of peoples, but as the distribution of activity niches between them in a multiethnic community (ethnocenosis).

Keywords: *scientific heritage, ethnogenesis, ethnography, anthropology*

¹⁷ См.: Головнёв А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24.

REFERENCES

- Akademicheskaya istoriya Yugry* [Academic History of Yugra]. Khanty-Mansiysk: “Novosti Yugry” Publ., 2024, vol. 1. (in Russ.).
- Akademicheskaya istoriya Yugry* [Academic History of Yugra]. Khanty-Mansiysk: “Novosti Yugry” Publ., 2024, vol. 2. (in Russ.).
- Alymov S. S. [Ukrainian Roots of the Theory of Ethnos]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2017, no. 5, pp. 67–84. (in Russ.).
- Bloch M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [The Historian’s Craft.]. Moscow: Nauka Publ., 1986. (in Russ.).
- Gillett A. Ethnogenesis: A Contested Model of Early Medieval Europe. *History Compass*, 2006, vol. 4, iss. 2, pp. 241–260. DOI: 10.1111/j.1478-0542.2006.00311.x (in English).
- Golovnev A. V. [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografya* [Ethnography], 2018, no. 1, pp. 6–39. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-6-39 (in Russ.).
- Golovnev A. V. [New Ethnography of the North]. *Etnografya* [Ethnography], 2021, no. 1 (11), pp. 6–24. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24 (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Ethnogenesis as Solitaire Game: On the Origin of Samoyeds and Ugrians]. *Etnografya* [Ethnography], 2023, no. 3 (21), pp. 6–44. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-6-44 (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Peter I and the Beginning of Sciences in Russia]. *Kunstkamera*, 2024, no. 1 (23), pp. 6–23. DOI: 10.31250/2618-8619-2024-1(23)-6-23 (in Russ.).
- Malinowski B. *Izbrannoye: Dinamika kul’tury* [Selected Works: The Dynamics of Culture]. Moscow: “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” Publ., 2004. (in Russ.).

Для цитирования: Головнёв А. В. Теории этногенеза как научное наследие: опыт академической истории Югры // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 80–89. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-80-89.

For citation: Golovnev A. V. Theories of Ethnogenesis as a Scientific Heritage: the Case of the Academic History of Yugra // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 80–89. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-80-89.